

НИ
ЧТО

НИЧТО

I

Ничто не имеет смысла,
я давно это знаю. Поэтому
ничего делать не стоит,
мне сейчас это стало понятно.

Пьер Антон ушел из школы в тот день, когда понял, что ничего делать не стоит, так как ничто не имеет смысла.

А мы все остались.

И хотя учителя после ухода Пьера Антона старались поскорее навести порядок в классе, а также в наших головах, его частичка все равно в нас застряла. Может, потому все так и получилось.

Наступила вторая неделя августа. Из-за палящего солнца мы были ленивыми и раздражительными, резиновые подошвы кроссовок прилипали к асфальту, яблоки и груши уже созрели настолько, что прямо просились в руку для броска. По сторонам мы не смотрели. Был первый учебный день после летних каникул. В классе пахло чистящими средствами и царившей здесь долгое время пустотой, в окнах виднелись невероятно четкие

отражения, а на доске не было меловой пыли. Парты стояли по две ровными рядами, словно прямые больничные коридоры, — подобное случалось только раз в году, именно в этот день. Седьмой А.

Мы расселись по местам, не желая нарушать этот порядок привычным раздолбайством.

Всему свое время. Устроить хаос еще успеется. Только не сегодня!

Эскильдсен встретил нас той же шуткой, что и каждый год:

— Радуйтесь сегодняшнему дню, дети. Не будь школы, не было бы и каникул.

Мы засмеялись. Не потому, что шутка была смешной — смешной была сама ситуация.

И тут поднялся Пьер Антон.

— Ничто не имеет смысла, — сказал он. — Я давно это знаю. Поэтому ничего делать не стоит. Мне сейчас это стало понятно.

Он спокойно нагнулся и убрал в сумку все, что только что вынул. С безразличием на лице кивнул на прощание и покинул класс, не закрыв за собой дверь.

Дверь улыбалась. Я это заметила первым делом. Пьер Антон оставил ее приотворенной, и она, словно посмеивающаяся пропасть, готова была поглотить меня там, снаружи, поддайся я искушению и пойди следом. Кому она улыбалась? Мне, нам. Я оглядела класс и по неприятной тишине

поняла, что остальные тоже обратили на это внимание.

Мы должны чего-то достичь.

Достичь чего-то значит стать кем-то. Громко об этом не говорили, да и тихо тоже. Это просто ощущалось в воздухе, или во времени, или в ограде вокруг школы, или в наших подушках, или в отслуживших свой срок мягких игрушках, которых несправедливо ссылали на чердаки или в подвалы, и они лежали там, собирая пыль. Раньше я этого не знала. Улыбающаяся дверь Пьера Антона рассказала об этом. Умом я еще не дошла, но вдруг кое-что поняла.

И испугалась. Испугалась Пьера Антона.

Испугалась, испугалась сильнее, очень испугалась.

Мы жили в Тэринге, предместье довольно крупного провинциального города. Там было не то чтобы совсем респектабельно, но почти. Об этом нам часто напоминали, хотя громко не говорили, да и тихо тоже. Аккуратные домишки из желтого кирпича, красные коттеджи, окруженные садами, новые серо-коричневые таунхаусы с садиками перед входом и еще квартиры, где жили те, с кем мы не играли. Еще имелись старые фахверковые дома и хутора, которые, перестав быть фермами, теперь относились к городу, и несколько белых

вилл, где обитали граждане чуть более почти ре-спектабельные, чем все мы.

Школа в Тэринге находилась на пересечении двух улиц. Все, кроме Элисы, жили на одной из них под названием Тэрингвай. Иногда Элиса делала крюк, чтобы вместе с нами дойти до школы. Это было до того, как Пьер Антон оттуда ушел.

Пьер Антон жил с отцом в коммуне на Тэринг-вай, 25, — когда-то там была ферма. Отец Пьера Антона и члены коммуны были хиппи, застрывшими в шестьдесят восьмом году. Так говорили наши родители, и хотя мы не совсем понимали, что это значило, все равно повторяли за ними. В садике перед домом возле дороги росло сливовое дерево. Большое, старое, изогнутое, оно склонялось через ограду, искушая нас красноватыми сливами сорта «виктория», до которых нам было не дотянуться. Раньше мы прыгали, чтобы их достать. Но теперь перестали. Пьер Антон ушел из школы, чтобы засесть на сливовом дереве и кидаться недозрелыми плодами. Какие-то в нас попадали. Не потому что Пьер Антон целился, оно того не стоило, заверял он. Просто дело случая.

А еще Пьер Антон кричал нам вслед.

— Все бессмысленно! — заорал он однажды. — На самом деле все начинается, чтобы закончиться! Не успели вы родиться, а уже умираете. И так со всем.

— Земле четыре миллиарда шестьсот миллионов лет, вы доживете максимум до ста! — прокричал он в другой раз. — Даже не стоит заморачиваться! — И продолжил: — Все это просто большая пьеса, главное в которой — уметь притворяться и делать это лучше других.

До сих пор ничто не указывало на то, что Пьер Антон самый умный из нас, но тут мы вдруг это поняли. Что-то такое он нащупал. Хотя мы и не осмеливались в этом признаться. Ни родителям, ни учителям, ни друг другу. Даже себе. Мы не хотели жить в мире, о котором говорил Пьер Антон. Мы должны чего-то достичь, кем-то стать.

Улыбающаяся дверь, ведущая наружу, не укушала нас.

Ни капли. Абсолютно!

Вот мы это и придумали. «Мы» — может, слегка и преувеличено, ведь на самом деле на мысль нас навел Пьер Антон.

Это произошло однажды утром, после того как две твердые сливы одна за другой попали в голову Софи и она ужасно рассердилась на Пьера Антона, потому что он так и сидел на том дереве, лишая нас присутствия духа.

— Ты просто торчишь там и пялишься перед собой. Думаешь, так лучше? — закричала Софи.

— Я не пялюсь перед собой, — спокойно ответил Пьер Антон. — Я смотрю на небо и упражняюсь в ничегонеделании.

— Нет, пялишься, тупо пялишься! — в ярости заорала Софи и швырнула палку в сливовое дерево и Пьера Антона, но та приземлилась гораздо ниже — на изгородь.

Пьер Антон засмеялся и закричал так, что слышно было даже в школе:

— Если на что-то стоит сердиться, значит, чему-то стоит радоваться. Если чему-то стоит радоваться, что-то имеет смысл. А это не так! — И завопил еще громче: — Скоро все вы умрете, вас забудут, вы превратитесь в ничто, так что начинайте готовиться прямо сейчас!

Вот тут мы и поняли, что нужно снять Пьера Антона с этой сливы.